

МАРИЗА
СЕЙМУР

Послание Солнцу
ОБОРОТНИ ОСТРОВА СКАЙ

Мариза Сеймур

Послание Солнцу.

Оборотни острова Скай

<https://litres.ru/74207599>

Аннотация

Худшее - впереди. Я не знаю теперь, кто мой друг, а кто - враг. Связь с родней, которую я считал утерянной, вдруг восстановилась. И теперь у меня слишком много вопросов к тем, кто вырастил меня и воспитал.

Я мчусь за рулем в сторону Эдинбурга - собрать остатки своей стаи, найти союзников и решить, как двигаться дальше.

Одно я точно знаю - я уничтожу всех, кто причинил боль моей Айлин, заставив ее потерять разум и человечность.

В книге: упрямая молодая волчица брутальный герой-оборотень различные существа в современном мире истинная пара, но противостоянию быть! остросюжетные повороты и тайны Шотландия горяченькое на 18+

ДИЛОГИЯ

Первая книга - "Безмолвие Луны. Оборотни Шотландии"

Цикл "Оборотни Шотландии" полностью здесь:

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Торен	6
Глава 2. Айлин	11
Глава 3. Торен	17
Глава 4. Айлин	25
Глава 5. Торен	33
Глава 6. Айлин	40
Глава 7. Торен	45
Глава 8. Айлин	56
Глава 9. Торен	63
Глава 10. Айлин	70
Глава 11. Торен	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Пролог

Я оставил ее. Оставил. Я обещал не оставлять ее, но все равно сделал это!

Но выхода нет. Алистер Грэм сбежал из замка, пока мы совершали обряд. Он обязательно сообщит, если уже этого не сделал, обо всем Дюку Монтгомери и тогда... развяжется бойня. И меньше всего я хочу, чтобы моя Айлин пострадала.

Жена.

Я не верю. Не верю себе. Счастлив, как придурок. Но тревога одолевает меня. Я вроде и знаю, что она в безопасности, что родня защитит ее, но дышать не могу.

Волк внутри меня беснуется. Но я успокаиваю его тем, что найду Айлин всегда, где бы то ни было. На ней остался мой медальон Зверя, а если перевоплощусь в волка, то почую ее безусловно.

Худшее - впереди. Я не знаю теперь, кто мой друг, а кто - враг. Связь с родней, которую я считал утерянной, вдруг восстановилась. И теперь у меня слишком много вопросов к тем, кто вырастил меня и воспитал.

Я мчусь за рулем в сторону Эдинбурга - собрать остатки своей стаи, найти союзников и решить, как двигаться дальше.

Одно я точно знаю - я убью всех, кто причинил боль моей

Барби, заставив ее потерять разум и человечность.

Она вернется. Ведь я отправил послание Солнцу.

И надеюсь, что когда-нибудь простит меня.

 Первая часть, "Барби для Волка. Оборотни Глазго"

здесь:

<https://litnet.com/shrt/VKgA>

Глава 1. Торен

Галстук никак не завязывается. Уже отвек от долбаных костюмов. Меня раздражает буквально все. Погода в Эдинбурге — дрянь. Мокрый снег, слякоть, мерзкие ветра, пронизывающая сырость.

Люди — жаждущие пробраться тебе под кожу, залезть в твою голову. И все очень переживают, как же, я, бедняга, пострадал так сильно в Глазго, что даже трусливо поджал хвост и сбежал из этого проклятого города.

Хуже — они все переживают о том, что я выжил. Был бы мертв — многие бы спокойнее спали по ночам. Ведь я могу спросить многое с них.

Но, к их огорчению, я очень живучий. Теперь с моей жизнью связана жизнь Айлин, а значит умирать я точно не планирую в ближайшем будущем.

Начинаю с долгов. Деньги мне очень нужны, и я знаю, кто и сколько мне забыл мне вернуть. Даже в страховую обратился.

Сеймур долго ржал, когда узнал, что я провернул задолго до того, как мой дом сгорел. А потому мне выплатят гораздо большую сумму, чем стоил мой дом. Страховая компания может после этого объявлять себя банкротом и закрываться.

Жду этих денег, потому что хочу себе другую жизнь. Рядом со своей девочкой, в тепле и уюте, в сытости и достат-

ке. Конечно, я могу продолжить работать на МакАртуров, но после того, что я узнал от вождя клана Маклаудов, едва ли горю желанием. Надо в начале во всем разобраться.

И надо признаться себе, что я дьявольски злой только потому, что вынужден находиться вдали от своей Барби.

Маклауды вешают мне лапшу на уши, что она до сих пор волчицей бродит по окрестностям острова Скай. А я вынужден наряжаться и идти на никому не нужный прием. Хотел бы я с ней под руку явиться на какое-нибудь торжество, но... пока что это невозможно.

Потому что по-прежнему отношусь к клану МакАртуров. И пока они наводят порядок в Глазго, я хожу в качестве доверенного лица на все мероприятия в Эдинбурге. Сегодня, например, снова пожаловали гости из Лондона. Я напрягаюсь, потому что запросто могут явиться Монтгомери. И поддержка Маклаудов в данной ситуации мне бы очень не помешала.

Уже три недели живу в дорогом историческом отеле, принадлежащем семье МакАртур. Мне, конечно, были бы рады и в семейном особняке, но я больше не доверяю им. Никому из них.

Первое, что спросил меня глава клана, Дункан МакАртур, при встрече — где девчонка Алистера Грэма. И мне пришлось солгать. Рассказать им, что она — моя истинная? Ага, здравствуйте. Вот держите — этой мой криптонит. При необходимости можете надавить на меня с помощью моей девочки.

Нет, я рассказал им душещипательную историю о том, что ее чуть насильно не выдали замуж, а отец избивал. Я купил ей билеты в Ирландию, попросил держаться подальше от Глазго и больше о ней не слышал.

Сеймур ни хрена мне не поверил, потому что слышал по телефону мою последнюю истерику. И вряд ли он ее передавал Дункану. А вот Дункан вполне купился.

Очень хочу послать все к черту, обнять Айлин, зарыться лицом в ее чудесно пахнущие волосы и забыть обо всем, что неважно.

Но пока не могу. И дело не только в том, что она волчица. Моя стая сильно пострадала. Я, как вожак, обязан предоставить им благополучную жизнь. Но и здесь новостей хороших нет. Я нашел только Блэки и Оберона, а где Бакторн с семьей, Крэйн и ведьма Нэн, я понятия не имел. Их словно след простыл. И меня это очень сильно беспокоит.

Но хуже всего то, что Дюк Монтгомери и Алистер Грэм словно в воздухе растворились. В общем, я в полной заднице.

Ссориться с МакАртурами, отказываться от их поддержки сейчас — максимально глупая затея. Поэтому наряжаюсь в костюмчики и хожу на приемы с приклеенной улыбочкой.

Ко мне в номер кто-то постучался, отвлекая меня от досадных мыслей. Галстук так и не удается завязать и я в сердцах его бросаю на кровать.

Догадываюсь, кто это может быть.

Когда я приехал в Эдинбург, об этом узнала Фрейя и будто помешалась на мне. Двумикий, тот самый, который бродил, а может и до сих пор бродит с моим лицом, хорошенько ее поимел и промыл ей мозги. И теперь она думает, что я и он — это одна и та же личность.

В общем, уверена, что я влюблен в нее без памяти.

А еще, что я — отец ее ребенка.

Барб узнает, просто прикончит нас обоих. Но, к счастью, когда Фрейя залетела, я был рядом с Айлин, и не только рядом...

Как же я скучаю по ней! Невыносимо!

Решено! Еще одна встреча сегодня и уезжаю обратно в Портри, или Данвеган, не знаю, смотря где там моя волчица бродит. Рождество и Новый год скоро! Поймаю ее, помогу вернуться в человеческий облик, я уверен, что у меня получится. Будем праздновать в том домике на пушистом ковре у камина. Может, даже елку поставим и нарядим - а чего нет?

Предвкушаю радость от встречи с Айлин. Даже настроение улучшилось.

Пока я иду, раздражающий стук в дверь продолжается. После того, как Фрейя неделю назад проникла ко мне в номер и улеглась в мою постель, я запираю дверь на замок, а не только на магнитный ключ-карту.

Я открываю дверь, загораживая проход собой. И не сразу соображаю, что происходит.

Это она?

— Привет, красавчик! Давно не виделись! — ее голос стально режет мои вены. Не может быть.

— Ты?! — выдыхаю я и, на всякий случай, хватаюсь за проем двери.

Глава 2. Айлин

Холод иглами царапает мою кожу. Лёгкие заполнены тяжёлым морским воздухом. Запахи и соль оседают на губах, и даже пронизывающий ледяной ветер не может их рассеять. Я отвыкла от холода. И от того, как он действует на меня. Особенно сейчас, когда я не нахожусь в теле волчицы и мягкая белая шерсть не сохраняет мое живое тепло.

Я очнулась человеком. Открываю глаза. Станные ощущения. Пытаюсь подняться с земли у огромного валуна, за которым Волчица пряталась от ночной бури.

Ноги не разгибаются и не слушаются. И я трясусь от холода. Но морально я, кажется, стала сильнее, чем прежде. Я чувствую бодрящий приток силы моей земли. Духи моих предков всегда рядом, я слышу их голоса, если меня одолевает тревога.

Я видела свою маму. Она сопровождала меня, разговаривала со мной. Направляла и помогала мне обрести понимание с Волчицей. Волчица — это создание природы и старых богов, если угодно говорить, магическая сущность, и потому в ее теле я могла общаться с Мюриэль.

Но то, что интересовало меня, Айлин, человека, ее дочери, я спросить не могла, потому что мной управляла Волчица.

Так положено. Ведь облик человека создает суетливость, мирской быт, мелочи и трагедии, которые на уровне духов не имеют никакого значения. Человек не видит всего того, что открыто Зверю. Но и Зверю не доступны сострадание, радость, любовь...

Инстинкты, желание выжить, влиться в природу так, чтобы не разрушить баланс и самой не стать жертвой — вот о чем думает Волчица.

Но и мы, находясь в симбиозе, даем друг другу больше, нежели если бы существовали раздельно. Я теперь не боюсь темноты. Я вижу в ней. Я слышу звуки намного острее и четче, чем раньше, я стала сильнее — определенно. Булыжник не сдвину, но физически я выносливее и смогу за себя постоять еще лучше, чем прежде.

Прах моей мамы после смерти развеяли над горами и морем — таков обычай Маклаудов. И теперь она стала хранителем и духом этой земли и побережья. Мама считала, что моя Волчица тоже особенная. Что она в большой опасности из-за своей силы и возможностей, что на нее могут объявить охоту. Как оказалось, не каждый оборотень в облике Зверя способен к магии и общению с духами.

Это странно, ведь магии у Волчицы не было, значит, она... есть у меня? У Айлин?

Я смогла, наконец, сделать шаг вперед. Хорошо, что на самом берегу нет снега, но зато горные вершины набирают белый пух с каждым днем все интенсивнее. Скоро весь мир

будет праздновать Рождество. А духи и одаренные острова Скай — Йоль, зимнее солнцестояние. Впереди самая длинная ночь в году, ночь костров и пиршеств, за которой обязательно наступит рассвет, и с каждым днем солнце будет светить все дольше и ярче.

Откуда я это знаю? Из книг. Вот почему меня так тянуло к литературе кельтов и скоттов! Вот что я пыталась найти — ответы на вопросы, на зов крови. На тихий гул Волчицы, которую спрятали, скрыли от меня, заставив корчиться в агонии годами. И ее смог спасти только Торен. Вот почему я сходила с ума в его присутствии и переставала быть похожей на саму себя. Мне нужен был только он. И все.

Я больше не одержима им.

Я улыбаюсь навстречу ветру и рассвету, хотя зубы стучат от холода. Я не одержима Тореном, потому что я и он — единое целое. Два существа, рожденных друг для друга. Неважно, люди мы или волки. Мне не нужно переживать, любит ли он меня, хочет ли меня, я знаю, что эти чувства он никогда не сможет в себе задушить. Также, как и я. Сопротивляться им — все равно что заслониться рукой от бури. Бессмысленно.

Мне нужно идти. Представляю, как Торен обрадуется моему появлению. Я смогла совладать с Волчицей, она отпустила меня. Поняла, что она в безопасности и я больше никогда не позволю ее обидеть. Я дарю ей свободу, а она взамен подчиняется мне, человеку, потому что не чувствует от моего человеческого сознания угрозы.

Бреду в сторону круга ведьм, где наверняка меня ждет Торен. Интересно, сколько времени прошло? Дня три. Не больше.

Прикидываю, что я далеко забрела волчицей от Данвегана. Тут полдня пути, если не больше. По холоду. Обнаженная. Я умру.

— Что ж, моя белоснежная красавица. Давай попробуем с тобой обратиться не тогда, когда ты хочешь, а тогда, когда нужно мне. Что скажешь?

Выдыхаю и качаю головой. Холод не дает мне сосредоточиться. Но я стараюсь. Прикрываю глаза и обращаюсь к Волчице. И она слышит меня. Радостно скулит и словно напивается меня собой. Мое тело обрастает белым мехом, мои руки и ноги меняют форму. Я почти теряю сознание от боли, но держусь, цепляюсь за краешек человечности, ведь иначе Волчица снова возьмет верх надо мной.

А мне нужно к Торену.

Постепенно боль затихает, а вместе с ней Волчица уступает свое сознание мне. Я — Зверь, инстинкты и способности все при мне, однако остается место и моим мыслям. Я вою и срываюсь с места. Не важно, что ветер не дает мне бежать быстрее. Ушам холодно, да и лапам неприятно от сырой земли. Но я счастлива! Я скоро увижу любимого!

Совсем загнав себя, я достигаю ведьминога круга и обессиленная падаю в него. Дышу, свесив язык из пасти. Странно. Никого нет.

Принюхиваюсь. Чую на земле слабый, очень слабый запах Торена, когда он лежал здесь со мной, обнимал меня и плакал от отчаяния.

А я... я почти ничего не помню.

Но он обещал. Обещал, что мы снова увидимся, как только...

— Волчица? Айлин? — слышу голос рыжей ведьмы.

Я устало перебираю лапами и шагаю к ней. Почему эта девчонка здесь? Где мой Волк?

Но она вытягивает руки и пятится назад.

— Тише. Хорошая девочка. Не надо меня есть. Я невкусная. Бабушка говорит, что я слишком костлявая.

Она боится меня?

Я ложусь на землю и прошу Волчицу отпустить Айлин из мира духов обратно в жизнь.

И у меня получается!

Я медленно возвращаюсь в человеческое тело. Снова этот холод!

— Я могу обращаться по собственной воле, — хрипло проговариваю, насколько хватает сил.

— Ого! Айлин! Как же я рада тебя видеть! — Морвен бросается ко мне и падает на колени на землю, покрытую ветками можжевельника.

А мне так непривычно говорить и слышать речь. Человеческую.

— Где Торен? — спрашиваю Морвен. Это все, что мне

важно. Это все, ради чего я дышу. Ради чего я смогла проделать весь путь инициации.

— Его здесь нет. Пойдем в замок, только вот... надень мое пальто, — Морвен снимает с себя серое пальто и помогает мне надеть его, пока я неуклюже пытаюсь вдеть непослушные руки в рукава.

— Что значит нет? — бормочу. Мне он нужен. Очень!

— Милая, Айлин, ему пришлось уехать.

— Куда? Зачем?

— Дела.

— Дела? — ком подступает к горлу и непрошенные слезы накатывают на глаза. — Он обещал, что будет ждать меня. Что не уедет, оставив меня. Он обещал!

— Айлин, ты бродила волчицей две недели!

— Неважно! Он мне солгал!

— Но дела не ждут. МакАртуры...

— Пусть и живет с ними теперь! Если МакАртуры ему дороже меня!

— Айлин...

— Не хочу ничего слышать! — волчий вой терзает мою голову, но я борюсь. Мне плохо и больно, но я не могу больше убегать от себя. Торен меня бросил. Бросил!

Глава 3. Торен

— Ты?! — выдыхаю я и, на всякий случай, хватаюсь за проем двери.

— Торен, с годами ты становишься все шикарнее, хотя оборотни и не стареют так быстро, не так ли? — гладит меня по лицу та, которую я никак не ожидал увидеть. Никогда в своей жизни.

Пока я нахожусь в прострации, пытаюсь сообразить, как такое возможно, она толкает меня в номер, заходит сама и закрывает за собой дверь.

— Этого не может быть! — восклицаю в сердцах. Прижимаюсь к стене, потому что ноги не очень уверенно держат. — Ты — двуликий?

— Кто? — переспрашивает удивленно.

Но двуликого я бы учуял.

А это... это...

— Рэйн.

— Соскучился, милый? — хихикает та, кого я считал мертвой. Та, в чьей смерти я винил себя и своего Волка. В наказание я запер его на долгие годы и почти не перевоплощался. Лишь появление Айлин в моей жизни помогло принять его, вернуть и... я так виноват!

— Не очень.

— Что, даже не вспоминал меня? — она подходит ко мне

слишком близко.

А я теперь по-настоящему зол.

Одной ладонью хватаю ее шею и толкаю к противоположной стене.

— Торен! — она пытается отбиться, но я сейчас снова сделаю ее мертвой! Вот же тварь! Из-за ее спектакля я умирал в агонии, борясь с собой, своей сущностью и природой!

— Я пришла по делу! Меня отправил сюда Эйсмунд, — сдавленно выпаливает Рэйен, и это немного сбивает мою спесь.

— Эйсмунд? — переспрашиваю я. Потому что я знаю только одного придурка с таким именем.

Рэйен открывает рот и из ее десен медленно удлиняются клыки.

Да твою ж мать!

Рэйен — вампир?!

Как?!

Мои пальцы сами разжимаются, и Рэйен сползает по стене, откашливаясь.

Наконец, я немного прихожу в себя. Волк теперь уже по-настоящему хочет сожрать Рэйен. Я должен радоваться, что она жива, и это же женщина которую я, вроде бы, любил. Хотя, нет, любил — слишком громко. Встретив Айлин я понял, что прошлые отношения — это так, мгновения, пшик. Моя настоящая любовь за сотни километров от Эдинбурга. И я... невыносимо скучаю. Смотрю на Рэйен — и скучаю

еще больше по Айлин!

Я обращаю внимание на одежду вампирессы — она как будто на бал собралась. В шикарном красном платье в пол. Декольте слишком открытое. Алая помада в тон платью покрывает ее пухлые губы. Кожа потеряла свою природную золотистость — но не удивительно, учитывая ее природу.

— Ты не была вампиром, когда мы встречались, — констатирую я факт.

— Эйсмунд спас меня. Ведь это он...

Замолкает. Я помогаю ей встать, схватив и приподняв за плечи. Как только я убираю с нее руки, она тут же потирает болезненные места. Я себя не контролирую и уверен, что делаю ей больно. Хотя, кто этих кровососов разберет, как у них все устроено?

— Или ты говоришь, или я сверну тебе шею. Уверен, что даже вампиры с открученной башкой не выживают, — угрожаю я. И я не шучу. Сил мне хватит сейчас полквартала разнести, особенно в обличье зверя. Он напился гневом и яростью за столько лет.

— Эйсмунд Бертран, — тихо произносит имя Рэйн.

Эйсмунд, воронья задница, Бертран — старейшина вампиров Шотландии. Обитает в Глазго. Считает, что Эдинбург слишком готичен для него. И весь свой клан он укомплектовал тоже в Глазго. Но и в Эдинбурге хватает его приспешников.

В отличие от оборотней, вампиры не рассыпались на се-

мьи и кланы, не делят власть между собой, не придумывают всякие странные законы.

Хотя, нет. Один существует. Они выбили его на Совете, когда всеми Одаренными принимали закон о Сокрытии. Вампиры имели право обращать людей, пострадавших от мира Одаренных. Что хуже — смерть или жизнь в облиии вампира? Никто не знает. Однако они достаточно миролюбивые, у них есть свои доноры и возможности пропитания. Власть их никогда не интересовала.

Да и зачем, если оборотни живут, в среднем, по сто лет, а вампиры — тысячу? Эйсмунду Бертрану больше трехста лет, и он старейший вампир в Шотландии. Его предки родом из Франции, с которой у Шотландии всегда были тесные связи в прошлом. Другие старейшины семьи Бетртран две мировых войны не пережили. И Эйсмунду, по праву рождения и крови, перешла вся власть.

У вампиров есть два вида — рожденные Дети Тьмы и обращенные. Истинных Детей Тьмы очень мало, и как они рождаются — тайна, покрытая мраком. Вампиры никого не впускают в эту часть своей жизни. Обращение же происходит с помощью крови, клыков и какого-то ритуала. И, по слухам, нужно и умереть по-настоящему.

Поэтому в закон о Сокрытии включен пункт о вновь обращенных. По своей сути, обращение — это та же смерть.

Требование МакАртуров к вампирам едино во все времена: никакой охоты на людей и жертв среди них.

Среди Одаренных вампиры всегда держались обособленно. Они со стороны наблюдали, как оборотни вгрызаются друг другу в глотки, как друиды сжигают ведьм, как банши проклинают магов, и... да, весело в нашем мире, ничего не сказать. Вампирам кажется, хватает одного единственного противостояния — с людьми и их осиновыми кольями. Это единственный вид Одаренных, который слишком засветился среди людей. Теперь им приходится терпеть фильмы и книги, фанатиков-готов, обитающих на кладбищах, Оззи Осборна, да и много чего еще.

Но это и дарит им относительную свободу. Потому что если импозантный мужик в костюме вопьется зубами в женское запястье на публике — подумают, что он долбаный извращенец, и у них свои сексуальные пристрастия.

Это тебе не оборот в огромного волка в стране, в которой волчий вид извели сотни лет назад. Прогуляться в таком виде по Глазго, как вам?

Меня сшибает с ног обращение в вампира Рэйн и то, что она называет имя старейшины.

Я не трогал вампиров никогда, а они меня — зачем я им? И что за спектакль с Рэйн?

— Тебя обратил Эйсмунд? — уточняю у нее.

Она кивает, нервно сглатывая. А это вообще что-то необыкновенное. Эйсмунд — высший, Дитя Тьмы, и обращение от него не каждый заслуживает. Кажется, нужно родиться человеком и чуть ли не с самого начала своей жизни по-

нимать, что ты хочешь быть вампиром. Ну и, вероятно, старательно служить ему и поклоняться.

А вот это точно запрещено законом.

Впрочем, с людьми спать тоже запрещено. Всем. И пусть Айлин — Волчица, но когда я лишил ее невинности, еще не знал об этом.

— Я начала свой путь в мир Одаренных после твоего обращения в волка. Из-за чрезмерного любопытства я попала в лапы тех, кто совершал страшные опыты и Эйсмунд меня спас. А потом была та страшная ночь, о которой я бы хотела забыть, но не могу, к сожалению. Собственная смерть не забывается — единственный минус вампирской жизни. Поскольку я бы все равно умерла, Эйсмунд меня обратил.

— Ты его пара?

— Я его седьмая жена, — гордо вскинув подбородок объявляет Рэйен.

— По дням недели делитесь? И кто ты? Воскресенье или суббота*?

— Да пошел ты! Это из-за тебя я...

— Спасибо должна сказать. Быть седьмой женой Эйсмунда — прекрасно же, не так ли?

Рэйен поджимает губы.

Ведь со мной она быть не захотела. Испугалась. И я решил, что ей не нужно это.

Но теперь Рэйен — вампиресса. Не замечал раньше, что от вампиров нет запаха, вернее есть, но... как статуя пах-

нет? Мрамором? И я привык находиться в мире сверх острого обоняния, а тут — ничего. Как будто я умер. Но нет, я ощущаю ее тонкий парфюм, который тоже не раскрывается в полной мере. Когда я чуть не придушил ее в порыве, ощутил, насколько она холодная.

— Я люблю его. Мы все его любим.

— Я не сомневаюсь в этом. Но не нужно было разыгрывать цирк со мной, чтобы заполучить Эйсмунда.

— Это не так! Я любила тебя, Торен, просто...

— Не хочу слушать. Зачем пришла?

— Эйсмунд хочет поговорить. Он согласился на то, чтобы я встретилась с тобой.

— А если я скажу, что вначале хочу потрахаться с тобой?

— обманчиво заинтересованно пялюсь в ее декольте.

— Ты правда этого хочешь? — она, конечно удивляется. Но я вижу в ее глазах решимость. Так смотрят те, кто должен выполнить приказ хозяина во что бы то ни стало.

— А ты разве нет? Вспомнить, как это с тем, кто жив. У кого сердце бьется и он горяч...

Она вонзается белыми зубами в собственную губу, пачкая их красной помадой.

До меня доходили слухи, что обращенные вампирессы жадные до плотских утех. И даже у моих ребят из стаи был опыт с одной из них. Говорят, что вампирессы подхватывают мужскую похоть, а прежние женские страхи и причины низкого либидо отходят далеко на второй план. На них на-

катывает свобода от гормонов. Есть шутка, что вампирессы способны затрахать до смерти.

И конечно, они все гуляют налево от своего клана. Одно дело со своими холодными полуживыми вампирами, другое — когда можно разделить удовольствие с горячим и выносливым оборотнем. Многие женщины из разных видов ода-ренных обожают в качестве любовников именно оборотней.

— Давай попробуем, Торен, — зазывно мне улыбается и подходит ближе.

— Давай, — соглашаюсь я.

* В Европе неделя начинается с воскресенья, а заканчивается в субботу. Торен здесь проводит аналогию, чтобы поиздеваться над «приоритетом» Рэйен среди жен Эсмонда.

Глава 4. Айлин

— Не хочу ничего слышать! — волчий вой терзает мою голову, но я борюсь. Мне плохо и больно, но я не могу больше убегать от себя. Торен меня бросил. Бросил!

— Айлин, сестренка, тебе нужно успокоиться, — в сердцах просит меня Морвен. Я дышу. Стараюсь, да! Но и рычу тоже!

— Как он мог? Он так нужен мне!

— Ты нам тоже нужна, Айлин! — слышу я другой голос, более взрослый, но не менее встревоженный. Иннес Маклауд.

Беспокойство Иннес и Морвен даю немного равновесия в моем состоянии.

— Ты — дочь моря, наша дочь, часть великого клана Маклауд! — Иннес горделиво вскидывает подбородок, пока я продолжаю биться в руках Морвен. Я вижу едва различимые тени в круге ведьм. Это духи предков. Они здесь. Рядом.

И мама тоже. Они не позволяют мне сойти с ума. Я надеялась и рассчитывала на поддержку Торена, а получила ее от тех, кто связан со мной кровью.

Но Иннес и Морвен?

Я слышу какой-то шепот на старом кельтском языке. Не понимаю слов. Поворачиваюсь к Морвен — она читает какое-то заклинание и...

У меня нет сил сопротивляться. Волчица затихает и я падаю наземь.

— Айлин?

Не хочу открывать глаза. Морвен зовет меня. А мне тепло. И хорошо. И я злюсь, что она меня «уложила». Какая сила заложена в этой девчонке, если она так легко меня, как говаривал Мягкий Стен, укомплектовала?

— Айлин, я знаю, что ты не спишь.

Я не сплю. Лежу на широкой кровати в просторной спальне замка Данвеган. Я проснулась за пару минут до прихода Морвен и довольно быстро поняла, что к чему.

— Надеюсь, ты не обижаешься?

Не обижаюсь?

У меня трагедия. Любимый меня бросил! А мне магическое снотворное на ушко прошептали и я, как младенец, уснула сладким сном.

— Что тебе нужно? — все же бурчу, надеясь, что чем быстрее я утолю ее любопытство, тем быстрее она оставит меня одну.

— Узнать, как ты. Прости меня. Я просто очень боюсь вас, оборотней, когда вы в обличье зверя. Не по себе. Что я могла бы сделать, если бы ты стала волком?

В этом есть своя правда.

— Но я бы не причинила тебе вреда.

— Любую твою эмоцию зверь испытывает в три раза мощ-

нее. У вас, оборотней, очень сложная природа. Но тем вы и сильны. Вы самые прекрасные среди нас, Одаренных.

— Завидуешь? — поворачиваюсь на другой бок, чтобы посмотреть на ведьму. Ее рыжие волосы освещены внезапно появившимся солнцем, лучи которого пробиваются в узкие окошки. Она похожа на живое пламя. Такая же яркая, подвижная вся, и прямолинейная. И очень напоминает мне меня. Говорит, что страшно, но не побоялась пойти мне наперекор. Предполагаю, что если бы ее заклинание не сработало, я бы все же обратилась. И Морвен была бы чрезмерно близко от моей волчьей пасти.

— Ужасно, — озорно улыбается Морвен и шмыгает носом, забавно морщась. Веснушки, хаотично рассыпавшиеся у нее по лицу, следуют за каждым мимическим движением. — Вот мне все детство приходилось столько всего учить. Помимо того, чтобы в школу ходить для нормальных людей, нужно было еще изучать кучу заговоров, заклинаний, и все на кельтском. Представь!

— Как ты это пережила? — не могу не улыбаться ей в ответ.

— И я об этом! То, что я выжила — чистая случайность. А вы, оборотни, обернулись и уже красивенькие с хвостиками и ушками своими.

— Ну, посмотри на меня. Я как бродяга шаталась по острову. Беззащитная, и одна.

— Если бы у тебя была инициация тогда же, когда и у

всех нормальных оборотней, в детстве или юности, то ничего подобного с тобой бы не происходило. Чудо, что ты вообще жива!

— То есть, я могла умереть?

— Угу, — Морвен виновато потупилась, присев на краешек кровати. Рисует пальцем на белой простыне какие-то узоры, а во мне снова клокочет гнев.

— И Торен знал об этом?

— Да, конечно, — кивает Морвен, не слыша в моей интонации подвоха.

— То есть, он знал, что я могу умереть и все равно ушел? Бросил меня?

— Не могла бы ты перестать смотреть на меня своими голубыми лазерами? — с опаской переспрашивает Морвен.

— Это рефлекторное. Я не могу это контролировать, — отмахиваюсь я, садясь на кровати. Злюсь, что она меняет тему разговора. Боже, я превращаюсь в Торена!

— Не кипятись, Айлин, пожалуйста. Повторить фокус с твоим сном я уже не смогу! — просит ведьма. Я себя одергиваю. Она и правда не виновата в том, что сделал мой волк. — Ты была на острове, под защитой Маклаудов все это время. Это самое безопасное место в Шотландии. Мы с бабушкой следили за тобой и днем и ночью! И Торен бы никогда не уехал, будь на острове Скай опасно. Или, если бы ты была на грани смерти. Бабушка еле уговорила его оставить тебя.

— Зачем?

— Потому что иначе вам не быть вместе. Клань вцепятся друг в друга. Начнется война! Как ты не видишь, что все очень плохо! Очень! Неужели хочешь войны? Перебьют всех, Айлин!

— Но Торен... он...

— Он глава Совета в Глазго, правая рука МакАртуров, и лучше него никто не разберется с тем, что происходит!

Я знаю это. Знаю! Но обида все равно разрывает меня на куски. Он говорил, что нет никого важнее, что послал МакАртуров далеко и надолго, и что есть только мы... и мы...

Не вместе.

— Я могу вернуться в наш с Тореном домик? Мы снимали его у вас в комплексе...

— Конечно! Мы с папой не освобождали его, и сняли с бронирования, чтобы никто даже не думал поселиться, хотя на Рождество здесь планируется огромный поток туристов. Мы оставили этот домик для вас с Тореном.

— Спасибо тебе.

— Не переживай, он скоро вернется.

Киваю, глотая слезы.

— Бабушка, наверное, не разрешит тебе уехать из Данвегана. Для твоей же безопасности. Кстати, это комната твоей мамы. Здесь есть ее одежда. Она, конечно, немного старомодная, но тебе в пору. Бабушка говорит, что вы с Мюриэль как две капли воды, но ты еще красивее.

Я по-новому оглядываю спальню. Старинная мебель в

викторианском стиле, серые холодные стены, обитые тканью. И мрачный вид за окном на серое штормовое море вдалеке.

— Подожди, бабушка — твоя или моя? — я уже не в первый раз слышу об этом. И подозреваю, что речь идет об Иннес Маклауд, но...

— Наша, — подтверждает мои догадки Морвен. — Мы с тобой кузины. Наши мамы были сестрами. А Иннес Маклауд — их мама.

Вот это новости. Потрясающие. Еще бы узнать, где бабушка, и где мама Морвен, моя тетя.

— Я думала, ты заметила, как вы с бабушкой Иннес похожи, — подмигивает мне моя вновь обретенная кузина.

— Я потрясена, если честно, — откидываю упавшие на лицо волосы назад. — Иннес — тоже волчица?

— Да, но и носитель гена ведьм, как и все мы. И если у Маклаудов несколько дочерей, то одна из них — обязательно девочка со способностями ведьм. А первенцы всегда волки. Вообще у Маклаудов, в основном, рождаются девочки.

— Почему же она назвала Торена сыном? А замок — его домом. Мы родственники с ним? — мне совсем плохо становится. Я умру, если мы с Тореном связаны кровью и наш союз невозможен...

— Вы точно не родственники. Истинность так не работает. Он — потомок великого клана, — начинает рассказывать Морвен. Я сажусь поудобнее, чтобы услышать эту захватывающую историю, но ее прерывает внезапное появление Ин-

нес.

— Морвен, сходи на кухню. Пусть принесут Айлин поесть, — мрачно объявляет бабуля. У меня холодок по спине пробегает от нее. Неужели, она и правда моя бабушка?

Морвен слушается и тут же выбегает из спальни.

— У Морвен язык без костей, вечно лезет, куда не нужно. Как ты себя чувствуешь? — Иннес проходит ко мне ближе и устраивается на краешке постели, где до нее удобно располагалась Морвен.

Ее голос ласков и в целом Иннес ко мне очень добра, но я все равно не хочу находиться в Данвегане.

— Мне надо поговорить с Тореном, — заявляю я.

— Боюсь, это невозможно. Тебе нужно восстановиться, а ему нужно определиться, на чьей он стороне, — я получаю от нее отказ в достаточно сухой форме.

— Что это значит, Иннес?

— Можешь называть меня бабушкой.

— Это звание нужно заслужить, — так и разбежалась. Я прекрасно поняла из ее слов, что она злится на Торена. Может, за то, что бросил меня?

Иннес снисходительно улыбается и хочет что-то сказать, но какой-то мужчина постучался и заглянул в мою комнату. Бабушка тут же встает с кровати, словно она ждала этого человека, и теперь им нужно поговорить.

— Мы вернемся к разговору позже, — обещает Иннес.

А я скрещиваю руки на груди и в спину показываю ей

язык.

Глава 5. Торен

— Давай попробуем, Торен, — зазывно улыбается мне Рэйен и подходит ближе.

— Давай, — соглашаюсь я.

И да, она готова лечь со мной в постель, лишь бы я пришел на разговор к Эйсмунду. Он не явился сам лично, потому что после событий в Глазго я мало кому доверяю. И понимаю, почему он отправил именно Рэйен — надеялся на эмоциональный взрыв с моей стороны. И что мои бывшие чувства разыграют вновь. Даже если придется подложить под меня свою жену. А чего нет? Их семь. Можно и поделиться. Мерзость.

Как только она прижимается ко мне, я тут же делаю ей подсечку, выкручиваю руки и роняю лицом в пол. Удерживая ее голову за волосы, я сажусь на нее сверху и скручиваю руки.

— Извини, но я передумал. Ты не в моем вкусе. Мне теперь нравятся блондинки.

— Отпусти, придурок! — сдавленно шипит она и пытается клацать зубами, чтобы укусить меня за руку. Вот же тварь!

— А теперь выкладывай. Что вам от меня нужно!

— Спроси у Эйсмунда! — кричит Рэйен, потому что я делаю ей больно своей хваткой.

— Ага, галстук только надену и сразу приду в гости.

— Мы встретимся на мероприятии МакАртуров! Никто не устраивает тебе ловушки!

— Говори! Нахрена я вам?

— Торен...

— Говори! Быстро!

— Отпусти... — молит она. Но понимает, что я гораздо сильнее и точно не отпущу ее живой, если так можно выразиться. — Эйсмунду нужна твоя помощь, ведь ты — глава Совета в Глазго.

Я — уже никто. У меня ни стаи, ни дома.

Но то, что вампиры меня таковым по-прежнему считают, вселяет в меня крохотную надежду на адекватность Бертра-на. Он не хочет войны.

И мне нужны союзники. Очень! Пускай даже такие, не очень живые.

— Клан вампиров пытаются уничтожить! И если ты не поможешь, многие погибнут! — пытается донести до меня Рэйен важность своей миссии.

— Будешь распускать руки или попытаешься пойти против меня, я тебя убью, — обещаю я Рэйен. Я очень зол на нее. Очень! И меня самого сшибает обида и злость на нее. Я ненавижу предательство! Я оплакивал ее смерть, винил себя и своего зверя за то, что произошло с ней. А в итоге...

Я просто идиот.

— Хорошо. Отпусти! — соглашается вампиресса.

Встаю с нее. Я слегка помял ей платье и испортил прическу. Но терпимо, жить будет.

— Я должна тебя сопроводить. Это будет знаком для охраны Эйсмунда, что ты готов к переговорам, — продолжает выдвигать условия Рэйен.

— Да чтоб вас! — ругаюсь сквозь зубы, пытаюсь завязать галстук-бабочку перед зеркалом. В этот раз получается гораздо лучше.

Но психую я не из-за этого. Таскаться на виду у всех с женщиной под руку не входило в мои планы. Надеюсь, Айлин не узнает об этом. И точно воспримет все правильно. Иначе Барби меня прикончит.

Сцепив зубы, терплю присутствие Рэйен рядом с собой.

Мы прибываем на машине с нанятым мною водителем на мероприятие, посвященное дню рождения кого-то из клана МакАртуров, правда, без самих МакАртуров — вместо них парочка представителей, и я в том числе. Мне все это страшно не нравится. Нас снимают репортеры. Завтра фото и видео рядом с Рэйен станут достоянием общественности. Вот зачем я здесь? Зачем, а?

— Эйсмунд приехал, — сообщает мне Рэйен. Кажется, она определяет своего мужа по запаху или неуловимому моими ушами звуку. Не ожидал, что вампиры обладают такими способностями.

Эти фрики научились скрывать свою жизнь ото всех и не афишировать свои особенности, находясь слишком у всех на

виду.

Меня постоянно кто-то отвлекает разговорами, и я с ослепительной улыбкой стараюсь всем отвечать о самочувствии семьи МакАртуров и грядущих изменениях.

Никто, совершенно никто не спросил меня, как дела конкретно у меня. Что там за заварушка в Глазго и как я внезапно «воскрес»? Кому интересен безродный бродяга вроде меня? Я ведь всего лишь представитель известнейшей и знатной семьи, как в мире людей, так и в мире Одаренных. Выжил и ладно. Нет — никто бы даже не вспомнил.

Сын преступника. Так звучит моя фамилия, которую мне дали в приюте, внушая, что я с такой родился.

Мне нужно все это терпеть, чтобы я вновь смог обрести силу и влияние. И то, что вампиры пришли ко мне, а не к МакАртурам — хороший знак. Эйсмунд живет долго. Он может многое знать и рассказать.

Я тоже ощущаю его присутствие. В зале среди толпы я слышу равномерный шаг, поддерживаемый тростью. Эйсмунда сильно ранили в одной из войн, то ли на стороне людей, то ли одаренных. Ему приходилось поддерживать ходьбу тростью. Восстановился он быстро, но ему так понравилась трость, что он с ней практически никогда не расставался.

Он вообще весь любитель эпатажа и громких спецэффектов. Для людей — он звезда шоу-бизнеса, рок-певец и задир. Одевается всегда странно. Ни разу не помню его в нор-

мальной одежде, или смокинге.

На меня веет холодом. Сверхъестественным, магическим, и он мне кажется смутно знакомым, и это не потому что я с Эйсмундом встречался ранее. От кого-то тоже исходила такая аура. Пытаюсь вспомнить ощущения, но никакие образы не приходят. В тот момент волк был зажат амулетами, а мне-человеку такие проявления не до конца были понятны.

Это холод власти и мрака. О вампирах посеяно слишком много слухов. Но теперь я уверен, что большая часть из них — правда.

Эйсмунд оправдывает ожидания и в эту встречу. На нем странный черный жакет с меховым воротником, рубашка с прорезями и золотой вязью. Спасибо, что брюки надел. Весь усеян заговоренными амулетами. Он живет в страхе — я ощущаю это по его чрезмерно уверенным движениям и саркастической ухмылке.

Он живет больше трехста лет, а по-человеческим меркам выглядит не старше тридцати. На такую внешность женщины наверняка слетаются, как мухи на мед. Не зря же у него одних лишь жен — семь. Вопреки киношному мнению, что вампиры не стареют, Дети Тьмы медленно угасают. Тысяча лет — говорят, столько может прожить старейшина клана вампиров, но, естественно, до такого возраста они не доживали в силу различных причин. Однако новенькая морщинка раз в пятьдесят-сто лет вполне может проявиться. Улыбаюсь своим идиотским мыслям.

Оборачиваюсь к Рэйн — она же знает, что ее жизнь не вечна? Обращенные вампиры живут столько же, сколько им отведено на людской срок. Не больше восьмидесяти лет. И нет, живые трупы не стареют. Только могут внезапно рассыпаться в прах.

Как только предводитель вампиров равняется со мной, его карие глаза будто наливаются кроваво-янтарной жидкостью. Мой волк внутри меня рычит, но я удерживаю его — не хватает мне обернуться среди толпы.

Эйсмунд Бертран одного со мной роста, но обладает более худощавым телосложением. Его свита одета менее экстравагантно, но при одном лишь взгляде на них понятно — вампиры. Они слишком спокойные. Застывшие статуи. И все в черно-красной гамме. Их не меньше пятнадцати.

Если им прикажешь замереть, то они даже моргать перестанут.

Жуткое зрелище.

— Приветствую, Торен. Ты не представляешь, как я рад, что ты выжил, — его манера чуть тянуть слова меня несколько раздражает, но нужно терпеть.

— Здравствуй, Эйсмунд. Не могу сказать, что также рад за тебя. Чем обязан встрече? — мы жмем друг другу ладони, и я едва не одергиваю руку от навязчивого ледяного холода вампира.

Я не помню, чтобы прежде Эйсмунд с кем-либо так здо-

ровался.

— Извини, переволновался, — сразу определяет мое состояние Старейшина вампиров. — Я бы хотел поговорить без свидетелей.

Его аристократическое лицо с правильными чертами недвижимо. Я не могу понять по нему абсолютно ничего!

И тут либо катиться в пропасть в одиночестве, либо дальше барахтаться на поверхности. Как жаль, что со мной нет моей стаи.

— Разве в Эдинбурге есть такое место? В этом городе так тесно, что обязательно об кого-нибудь споткнешься.

Это правда. Здесь слишком много одаренных на один квадратный метр.

— Вообще-то есть, — глаза Эйсмунда становятся еще светлее, а улыбка не сулит мне ничего хорошего. Узел затягивается на моей шее, но я все равно позволяю ситуации управлять мной.

— И где же?

— На кладбище.

Глава 6. Айлин

— Мы вернемся к разговору позже, — обещает Иннес.

А я скрещиваю руки на груди и в спину показываю ей язык.

Не хочу я ни с кем разговаривать. К Торену хочу. Невыносимо.

Я выползаю из кровати и с удовольствием принимаю горячий душ. Не понимаю до конца, как происходит оборот физиологически, но почти уверена, что разит от меня знатно.

В комнате я просматриваю одежду во встроенном в стену гардеробе. Поверить не могу, что это все — моей мамы. Кое-как нашла подходящие джинсы по размеру. У мамы талия была чуть шире, а бедра уже. Возможно, мама была более подвижной и спортивной, в отличие от меня.

Надеваю серый свитер под горло. Мягкий и приятный. Станные ощущения. Мамы давно нет, а вот ее вещи и одежда по-прежнему напоминают о ней. И вещи не пахнут пылью, как бывает, когда долго что-то не носишь. Все чистое и свежее, будто так и ждет возвращения своей хозяйки.

Морвен закатывает ко мне в комнату целую тележку с едой. Мой желудок урчит. Как давно я нормально ела? Горячую и приготовленную пищу? В последний раз рыбалка в холодной воде обернулась для Волчицы потерей сил. Но благодаря этому я вернула контроль над своим разумом.

— Значит, мы с тобой кузины? — вглядываюсь в лицо Морвен и... вообще ничего общего с ней не нахожу! Разве что веснушки — они тоже проявляются, но не в таком количестве, когда я провожу время на солнце.

— Ага! — она устраивается рядом со мной на небольшом диванчике. — Это так круто! Сколько лет живу на этом острове, столько и помираю от скуки. Молодежи здесь почти нет. Все уезжают в города побольше. А ты из Глазго. Завидую тебе. Расскажешь, как тебе городская жизнь?

— Я кроме Глазго и не бывала нигде. Один раз мы приезжали на остров Скай вместе со школьной экскурсией на тюленей посмотреть, но так я их и не встретила.

— Жаль, что твой отец ограждал тебя от семьи.

— Может, у него были на то причины? — не знаю, почему я продолжаю, время от времени, защищать отца от нападков окружающих. Но при этом злюсь на него невероятно. То, что он обо мне говорил на совете и как угрожал...

— Он запечатал твой дар, Айлин, — произнесла Морвен шепотом, будто боясь, что нас услышат. — Сделал это специально, чтобы ты никогда не связалась с Маклаудами и не вернулась на остров Скай, где точно твое место.

— Как он мог это сделать? — с сомнением переспрашиваю. До этого я начала есть вкусную еду, приготовленную, как будто, в лучшем ресторане Глазго. А после слов Морвен аппетит резко пропал.

— Не знаю подробностей, но что-то связано с именем

Монтгомери. И еще ему удалось обвести вокруг пальца нашу бабушку. Он сбежал, пока мы проводили ваш с Тореном свадебный обряд.

При упоминании имени моего... мужа... я закашливаюсь и едва не давлюсь. Отставляю тарелку подальше от себя.

— Это правда — свадебный обряд? — переключаюсь ментально на то, что меня беспокоит больше всего.

— Ты теперь сомневаешься в своем выборе? — тычет меня локтем в бок Морвен и подмигивает. Мои глаза распахиваются шире от ее слов. — Да шучу я! Ваша природа решила все за вас. Даже если бы вы ненавидели друг друга больше жизни, истинность изменила бы ваши роли все равно.

— Думаешь, Торен не любит меня? Это из-за истинности он решил жениться на мне? — это меня всерьез беспокоит. Потому что... глупости, наверное, да, но мы толком не знаем друг друга... и об этом думаю я? Та, кто соблазняла его с момента второй встречи?

А люблю ли я Торена? Может, это тоже истинность управляет моим чувствами?

Вспоминаю его улыбку и теплый янтарный взгляд, его горячие руки и тягучие поцелуи... наши разговоры — невероятные и интересные... а знакомство? Едва не рыдаю от воспоминаний. Мне не хватает Торена.

Муж. Подумать только. Торен МакФэлан — мой муж.

— Мне сложно сказать. Вряд ли я когда-нибудь встречу своего истинного, ведь остров я не покидаю, а всех парней и

мужчин я хорошо знаю. Пока что они бегают за мной, а я в быстром темпе — от них. Но думаю, что Торен женился на тебе не только из-за истинности. Я видела, как он переживает за тебя. Заботится и проявляет внимание. Он выбирал тебе одежду, Айлин! — Морвен снова улыбается, и это не выглядит ободряюще, скорее — ее забавляет, что взрослый мужчина может быть вот таким чутким и внимательным.

— Нам осталось теперь по-настоящему пожениться. Законы Одаренных, к сожалению, не всегда граничат с людскими, — вздыхаю, но думаю о белом платье.

— Ваш брак законный во всех смыслах. Мы же в Шотландии, и тем более на острове Скай, где всем заправляют Маклауды во главе с бабулей, — «радует» меня новостями Морвен.

А как же свадьба? Настоящая?

Я так мечтала, что когда-нибудь я выйду замуж в красивом платье в присутствии сотен гостей, что отец отведет меня к алтарю, а ждать меня будет мой любимый... Торен.

Теперь я оборотень, от которой муж сбежал в неизвестном мне направлении, отец поступил со мной еще хуже, а свадьба, по всей вероятности, не состоится никогда.

Не могу больше есть. Еда вызывает приступ тошноты.

— Мне нужно поговорить с Тореном. Я хочу позвонить ему, — я знаю, что услышу его голос и хриплый смех, и сразу же успокоюсь. Я просто хочу знать ответы на свои глупые вопросы.

— Я спрошу... — Морвен встает с кровати, но ее останавливает внезапно вошедшая Иннес.

— Торен занят сейчас. Потом может быть, — заявляет бабуля. И я понимаю, что она явно что-то скрывает от меня.

— Хватит держать меня в неведении! Я глупенькая и маленькая, по-вашему, но это далеко не так. Я имею право знать, где мой муж и почему его нет рядом со мной, когда он мне так сильно нужен.

— Морвен, выйди, пожалуйста. Мне нужно поговорить с Айлин, — просит Иннес и я понимаю, что в этот раз «бабушка» приготовила для меня не самые приятные новости.

Глава 7. Торен

Я чую подвох в желании Эйсмунда Бертрана уединиться со мной. На кладбище. Но я понимаю, что в Эдинбурге он не посмеет причинить мне вред. Я ухожу с приема МакАртуров, где являюсь уполномоченным лицом, в сопровождении охраны Бертрана. Оставить после этого где-нибудь мой труп — будет весьма опрометчиво со стороны Эйсмунда.

В машине мы с Эйсмундом сидим друг напротив друга в старом коллекционном Роллс Ройсе и какое-то мгновение молчим в темноте. Он хорошо считывает меня и мои мысли. Не удивлюсь, если у него есть к этому сверхспособности.

— Тебе ничего не грозит на кладбище, Торен. Это самое безопасное место в Эдинбурге, — успокаивает меня Эйсмунд.

— Для окружения вампиров, разумеется? — злобно усмехаюсь я.

— Разумеется, — кивает с улыбкой вампир. Его красные глаза поблескивают в темноте. — И там нет лишних и никому не нужных ушей. В том числе и МакАртуров. Мы с тобой — нейтральные стороны, чьи интересы случайно оказались сопряжены во внезапно разворачивающейся войне за власть.

Не люблю витиеватую речь. Но Эйсмунд мастак. Его глубокий и низкий тембр действует на меня успокаивающе. И

остатки слабой тревоги покидают меня вместе сумерками, сменившимися темной ночью с моросящим дождем. Ну и погода в этом году!

Как там Айлин? Сердце снова скручивает в тугой узел от тоски по ней, но я резко осекаюсь, потому что старейшина вампиров мгновенно распознает мое состояние и с любопытством разглядывает мое лицо.

От его возможных вопросов меня спас водитель автомобиля. Он затормозил и обозначил, что мы уже на месте.

— Вот мы и дома! — Эйсмунд хватается трость и резво выходит из машины, как только водитель открывает нам дверь. Я выбираюсь следом. Над моей головой распахивается зонт. Во всяком случае, встречают меня доброжелательно и с заботой.

Оглядываюсь на плохо освещенное уже несколько столетий как не действующее кладбище Олд-Калтон. Туристическое место. Но этой промозглой ночью едва ли есть желающие его посетить. Тем более, освещение выключено в ожидании гостей. Или хозяев?

Меня ведут в какой-то старинный склеп деятеля культуры с фамилией Бертран.

— Твой предок? — спрашиваю зачем-то у Эйсмунда.

— Основатель нашего дворца.

— Дворца?

— Ну, некоторые вампиры называют его логовом. Пойдем, — телохранитель Эйсмунда нажимает на какую-то вы-

емку в стене и она поворачивается, открывая проход на винтовую лестницу вниз.

Отлично. Опрометчивостью Эйсмунд не отличается. Мой труп просто никогда не найдут до момента, когда его нельзя будет опознать.

Странно, я только для сарказма нахожу силы. Но волнуясь, да. А кто бы не волновался.

Удивительно, вроде бы и спустились очень глубоко под землю. А нет запаха сырости, затхлости и прочих прелестей. Идем по широкому коридору и пару раз замечаю огромные вытяжные вентиляторы. Видимо, здесь хорошо продуманы все инженерные системы. — Почему вампиры ушли под землю? Я знаю, у вас есть замки и особняки. А это...

— Это наше сердце, — продолжает за меня Эйсмунд, обернувшись ко мне. В его взгляде торжествует космических масштабов гордость.

— Я польщен таким вниманием. Не ожидал, — пытаюсь быть вежливым, но поблагодарить нормально не удается. Впрочем, это ведь еще не прием.

— Рожденные истинные вампиры не боятся света. Это естественно для нас. Мы — природные создания. И по большей части любим жить в уюте, чистоте и комфорте. Пить кофе на рассвете. Все, как и оборотни, да и обычные люди. Но у обращенных вампиров есть ряд недостатков. Один из них — несовместимость с солнечным светом.

— Как же тогда Рэйен попала ко мне в номер?

— Брось, как будто только ты пользуешься ведьминскими амулетами? — смеется Эйсмунд. Перед нами открывают широкие двустворчатые резные двери.

Внутри большое скопление вампиров. Вижу и определяю каждого из них. Мой запах провоцирует у них резкий прилив любопытства. Эйсмунд поднимает руки и призывает всех успокоиться.

— Это наш друг и гость, Торен МакФэлан. Я прошу отнестись к нему с уважением и почитанием, — громко заявляет Эйсмунд.

Среди вампиров отделяется молодой парень, или мужчина, хотя, на деле, не могу сказать, сколько ему лет в действительности. Может, он давно обращен, но его лик путает мое восприятие времени.

— Отец? Ты уверен, что оборотню, в частности, одному из лидеров клана МакАртур можно доверять? — спрашивает он у Эйсмунда.

— Познакомься, Торен. Это мой сын, Валентайн.

Я никогда не слышал о сыне Эйсмунда Бертрана. Да я вообще мало что знаю о вампирах. И так ошарашен происходящим — подземный дворец под кладбищем с видом на парламент Шотландии. Опасны ли они? Безусловно, если смогли провернуть нечто подобное под носом у людей.

— Сын? Или обращенный?

Валентайн не вызывает у меня ни малейшей симпатии.

Его дерзкий взгляд и вздернутый подбородок говорят о его природном высокомерии.

— Самое дорогое, что есть у старого вампира — это его родственные связи. Настоящие, а не вот эта вот подделка на вампиров в виде обращенных. Я знаю, ты сейчас удивлен, но я не афиширую свою родственную принадлежность к Валентайну. Он — следующий лидер клана после меня, спустя столетия станет старейшиной. И мне надо его беречь для этой роли. Особенно сейчас, когда вампиров пытаются уничтожить.

— То есть, он рожден, как и ты — вампиром, — завершаю его пространную и пафосную речь. Эйсмунд ведет меня дальше, оставив Валентайна позади. Мелкий вампиреныш презрительно смотрит мне вслед. Но это ничего. Я делаю себе пометочку на будущее — разузнать как можно больше об этом гаденыше. О том, что от него можно ожидать проблем, я даже не сомневаюсь.

— Все верно, — наконец, мы заходим в просторный кабинет, в котором прекрасно сочетается викторианский стиль и стол из красного дерева с огромными пролетами книг. Кажется, здесь есть все — от старинных рукописей до современных монографий.

— Почему в Шотландии так мало естественно рожденных вампиров? — продолжаю интересоваться темой, которая меня не касается. Но почему-то Эйсмунд считает необходимым меня в нее посвятить.

— Что ты будешь пить? — спрашивает Эйсмунд. Я, после надоевшего мне шампанского, естественно, выбираю старый добрый шотландский виски.

После того, как нам приносят напитки, я удобно располагаюсь на широком и невероятно удобном диване из темной кожи, а Эйсмунд в красном, обитом бархатом, кресле напротив.

— Не каждая вампиресса способна родить. Не каждый вампир способен зачать. Этот бесценный дар есть только у тех, кто родился естественным образом. И в этом основная проблема. Девочки рождаются слишком редко. Один раз на пять, шесть или даже десять случаев! Сразу после рождения, к Дочерям Тьмы выстраивается ряд претендентов, которые проходят жесткий отбор на право зачатия и брака с вампирессой. После совершеннолетия она сама выбирает среди претендентов мужа. Или мужей. Моя дочь, например, выбрала троих и счастлива с ними.

— Но для твоего сына вампирессы уже не найти? — я пытаюсь понять, к чему ведет Эйсмунд. Невероятно, насколько откровенно старейшина вампиров делится изнанкой своего мира. Ему позарез нужны союзники. Как и мне.

— Раньше у нас в порядке вещей были браки с кланами из других стран. Я и сам с французскими корнями. Но из-за того что в Шотландии методично истребляют вампиресс, ни один правящий клан не готов отправлять к нам своих истинных Детей Тьмы. Мы ограничены лишь Шотландией. А с

вампирами Англии мы на ножах. Да и там их почти не осталось. Горстка выживших из ума сухарей.

— Ты говоришь, что женщин истребляют... Сколько их сейчас в твоём клане? Естественно рожденных, я имею в виду, — вопрос, конечно, не самый тактичный задаю, но и должен понимать, с каким масштабом истребления я имею дело.

— Одна и есть. Дочь моя. Но ее оберегают ее мужья, и где она со своими детьми — даже я не знаю. Моя супруга тоже погибла. Рэйен была способом мести... тебе и всем оборотням. Я был безоговорочно убежден, что вампиресс убивают оборотни по приказу МакАртура. Мы вооружились огнестрельным оружием, надеясь защититься от вас. Потому что оборотня может остановить только пуля.

Виски обжигает горло, но немного приводит в порядок мысли. Сколько я жил в однобоком мире, где черное было черным, а белое оставалось белым? То, что произошло с Рэйен я... ай, в пекло все!

— Почему же ты передумал, что оборотни ведут тихую войну против вампиров?

— Я не передумал. Оборотни и ведут. Только не правящий клан Шотландии. Враги допустили одну очень серьезную ошибку. Они напали на тебя и твою стаю. Одновременно атаковали мой клан в Глазго и чуть не украли последнюю Дочь Тьмы, и мою дочь, да, — Эйсмунду не просто дается эта тема для разговора. — Только тот, кто потерял все, может понять меня. Вся история отчетливо прослеживается до

самого Лондона. Тот, кто это сделал, носит льва на гербе.

— Монтгомери, — едва не сплевываю, произнеся ненавистную фамилию.

— Предполагаю, что других вампиресс похитили и вывезли в Лондон. Я не чувствую их смертей. Но и найти их не могу.

Когда умирает член стаи, или, как у вампиров, клана, лидеры явственно ощущают горечь потери. Я до сих пор горюю, вспоминая Шая.

До меня постепенно доходит, что на самом деле нужно Эйсмунду. Найти вампиресс и прекратить истребление его рода.

— Я винил во всем МакАртуров. Только у них есть способ спрятать ген оборотня.

Я допиваю виски и ставлю пустой стакан на небольшой столик у подлокотника дивана. Тема разговора приобретает и вовсе неожиданный поворот.

— Этот способ известен и вам — ведьмы. По себе скажу, что он имеет ряд недостатков и неприятных последствий. К тому же он нестабилен.

— Да, ты прав, вампиры знают об этом. Однако я говорю об этом не просто так. Был один лис, чей ген принудительно заглушили. Он боялся МакАртуров, как огня. А когда рыжих оборотней отстранили от власти в Глазго и назначили на верхушку волка, этот лис особенно ожесточился.

— Кто этот лис? Я его знаю? — похоже о моих пробле-

мах с лисьим кланом Эйсмунд Бертран тоже весьма неплохо осведомлен.

— Это Алистер Грэм. Тот самый ирландец, чью дочь ты, как поговаривают, похитил и обесчестил.

Пульс отбивает ритм в висках, сдавливая голову с каждым ударом.

— Постой. Ты уверен? — мой голос мне не принадлежит.

— Я много лет живу на этой земле, Торен МакФэлан. И много что видел собственными глазами. Лисы долгое время правили Глазго под руководством Монтгомери, хотя и номинально подчинялись МакАртурам. Однажды баланс изменился в пользу медведей. Алистер не смог стать лидером клана из-за того, что его зверь запечатан. Тогда он организовал свой собственный клан из людей. Криминальный, правда. Со временем он превратился в теневого лидера клана лисов. Да и всего Глазго тоже, просто тебе позволяли все эти пару лет думать иначе. В открытый конфликт Алистер не вступал, пока тебя не заинтересовала его дочь.

Я откидываю голову на спинку дивана. Насколько Грэм... бесчеловечен. Подонок конченный!

Он нарочно не обеспечил охрану своей дочери. Потому что за ней следили свои же. И свои же причинили бы боль... или что похуже. Это должно было спровоцировать проведение нового Совета с требованием сменить власть, ведь текущая, то есть я — не обеспечивает безопасность жителям города. А поскольку пострадала бы его собственная дочь, резо-

нанс случился бы втрое мощнее. И Монтгомери тут же явился. Волей случая, ведьма Нэн пожалела Айлин и подарила ей медальон, призывающий волка. Меня. Возможно, эффект оказался сильнее, потому что Айлин — моя и ее волчица пыталась найти путь на свободу.

— Почему ты раньше не сообщил об этом всем? — поднимаю голову и в упор смотрю на Эйсмунда. Вампир морщится. Сам понимает, как облажался. Придурок!

— Напомню, я винил правящий клан МакАртуров в исчезновении Дочерей клана. Мне было выгодно стоять в стороне и ждать, пока вы не перегрызете друг другу глотки.

— Это позиция слабого, Эйс, — позволяю себе сократить его имя, но вампир реагирует на это нормально.

— Мы и так слабы, Торен. Слишком слабы, чтобы вступить в открытый конфликт с лисами, волками, львами или, тем более, медведями! Но сейчас я готов предоставить тебе любую помощь, если ты остановишь истребление вампиров.

Как я, интересно, должен это сделать?

— При условии, что ты расскажешь мне еще кое-что.

— Я буду самым честным и откровенным собеседником. Может, и другом, которого тебе очень не хватает.

Друг? Вампир? Хитрая задница вампирского клана? Это вряд ли.

Но союзники в это непростое время мне не помешают. Даже с такой неожиданной стороны.

— Пока начнем с легкого вопроса для тебя. Кто мои ро-

дители и где моя семья?

Эйсмунд широко улыбается. Кажется, задачка для него и впрямь несложная.

— Завтра утром заеду за тобой и отвезу в нужное место. Начинается. Я закатываю глаза.

Склонность к театральным эффектам и загадкам у вампиров не отнять.

— И последнее. Буду очень благодарен за помощь в поиске моей стаи. Без них сложно помочь тебе.

— Она уже ждет тебя, друг мой, — один уголок губ Эйса приподнимается. Старый пройдоха! Все предусмотрел!

Хотя, конечно, выглядит он едва ли старше меня. Просто бледнее.

— Валентайн! — зовет он сына и тот очень быстро появляется в поле зрения. — Проводи, пожалуйста, нашего гостя. Мистеру МакФэлану не терпится вернуться домой.

Глава 8. Айлин

— Морвен, выйди, пожалуйста. Мне нужно поговорить с Айлин, — просит Иннес, и я понимаю, что в этот раз «бабушка» приготовила для меня не самые приятные новости.

— Что с Тореном? — беспокоюсь я.

— С ним все в порядке, — цедит сквозь зубы Иннес. — Слишком в порядке! Посмотри на это!

Бабуля показывает мне свой телефон. На экране подсвечено фото Торена с какой-то девицей на одном из приемов. Она держит его под руку, а он не может отвести от нее взгляда.

Это Рэйн.

В том нашем спутанном сознании, когда мы проходили обряд, я отчетливо видела его воспоминания. Я узнаю эту девушку. Первая любовь Торена и... она живет всех живых! И, кажется, он безумно рад этому факту.

Но, может, он просто рад ее встретить? Он не может изменить мне и вернуться к своей бывшей! Не верю. Потому что иначе меня бы разорвало в клочья. Даже на таком расстоянии от Торена.

— Спутался с вампирами! — продолжает возмущаться Иннес.

— Вампирами? — ведьмы и оборотни — хорошо, я уже

привыкаю к этой новой реальности. Но вампиры? Торен что-то о них рассказывал, но вскользь и... Но что плохого в том, что он общается с одной из рода вампиров?

— Да. Я рассчитывала на его осознанность. Надеялась, что он сможет разрешить возникшие распри между оборотнями. А он... — Иннес явно недовольна этим фактом.

— Ему нужны союзники, — даже бровью не веду. Как бы я не была зла на Торена за то, что он меня оставил, я знаю, что это самый здравомыслящий, рациональный и уверенный в себе мужчина. Его разум уступает место эмоциям только в моем присутствии. Это все. Никакая Рэйн, да хоть все вампиры на свете, не смогут вызвать даже подобие того чувства, которое возникло между нами.

Так что бабуле не удастся играть на моих нервах. Я люблю Торена. Рассержена, да. Но это касается только нас двоих.

— Ты сильная волчица, Айлин. Но тебе нужно восстановиться. Эмоционально и физически. Возможно, присутствие Торена сейчас бы тебе только помешало, — Иннес, тем временем, лезет туда, куда ее совсем не просили. Мне неприятно, что мои мысли и эмоции так легко можно считать. Надо учиться управлять своей мимикой.

— Я просто хочу с ним поговорить. Неужели так сложно? — спрашиваю, борясь с желанием встряхнуть, как следует, Иннес.

— Он слабее тебя, Айлин. Намного слабее. Но с тобой он обретает совсем другую силу. И ему важно обеспечить те-

бе безопасность. Я тебя прошу, не тревожь его лишний раз. Пока ты можешь держаться без него — держись, милая. От этого зависят судьбы многих.

— Я не понимаю...

— Я тоже не понимаю этого человека. Он для меня чужак. Что творится в его голове, почему он связался с вампирами — это мне неизвестно. Торен настолько одержим будущим, что даже твой призыв может не сработать.

— Почему Торен считает Данвеган домом? — кое-что в рассуждениях Иннес не сходится. Воспоминания Торена об этом замке наполнены теплом, светом и любовью. Он был счастлив здесь.

— Потому что это и правда его дом. Он подолгу гостил здесь со своими родителями. Возможно, ваша с ним встреча, была predetermined заранее. Хотя вас обоих раскидало подальше от острова Скай, вы все равно вернулись. Рука об руку.

— Мои родители тоже были истинной парой? — сажусь на кровать, потому что ноги снова подкашиваются. Я и правда еще не окрепла. Особенно для таких новостей.

— Мне казалось, что да. Но... это же странно. Все-таки, Алистер — человек, а Мюриэль — волчица. Он точно был посвящен в мир Одаренных, но при этом возненавидел всех оборотней и тебя... в том числе. Разве можно отнестись так к ребенку своей истинной? Нет, Айлин, я хоть так и не встретила свою истинную пару, но любила твоего деда безмерно.

И своих дочерей еще больше, потому что они — часть моего любимого.

— Но обряд истинности не сработал бы, если бы они не были предназначены друг другу, — я точно знаю, потому что пережила этот обряд на себе.

— Мы не проводили им обряд истинности. Твои родители просто поженились в местной католической церквушке и уехали в Глазго, потому что там твоим отцу предложили работу в университете.

— И вы не присматривали за ними? Не помогали? Оставили свою дочь на произвол судьбы?

— Милая, у нас мужчин на весь остров — раз два и обчелся. Нам приходится идти на браки с людьми, потому что наши мужчины, Одаренные ликом зверя, отдали свои жизни в мировых войнах. На острове Скай вот уже больше ста лет заправляют всем женщины. И даже лидер клана избирается из числа женщин. Отец Морвен — простой рыбак, хотя и крепкий мужчина, но все же. Мы слишком слабы по природе, хотя тебе это и кажется иначе. Да, мы не признаем власть МакАртуров, как единственную. Но если медведи нагрянут в гости со своей армией и оружием, вряд ли от нас что-то останется. Мы просто стараемся жить в гармонии с природой. И лишний раз не ввязываться в разборки.

— Поэтому отправили Торена разбираться со всем, да? Не предоставили ему никакой помощи? Одного? Заставив разорвать связь со мной? — до меня доходит, наконец, что

он для них — воплощение физической силы. Тот, кого не жалко пустить в расход. Мне страшно за него. Я пытаюсь унять сердцебиение, и дышу ровнее, но тревога за Торена пожирает меня изнутри.

— Он прирожденный лидер, и, как я вижу, всегда ищет свое решение для сложившейся проблемы. Ему нужно преодолеть большой путь, чтобы стать главой собственного клана.

Отворачиваюсь, чтобы сморгнуть внезапно подступившие слезы. Путь? Стать главой клана? Неужели это все важнее меня? Почему нельзя это делать вместе со мной? Или он задумал нечто...

— Вы отправили его на верную смерть. МакАртуры сотрут его в порошок, если он пойдет против них, — выдыхаю, ощущая, как все в груди сжимается.

— Не переживай за это. Как только он получит ответы на свои вопросы, он сможет исполнить свое предназначение, — Иннес продолжает говорить загадками, от которых голова идет кругом. — Он должен заслужить мое благословение, как главы клана Маклаудов.

— Неужели это правда — я ваша внучка? Потомок Маклаудов?

— Правда. Ты Айлин Маклауд Грэм. И здесь твой дом. Это не мой дом.

Мой дом там, где Торен.

А его нет рядом, но...

— Я хочу жить в нашем с Тореном домике.

— Но в замке тебе все рады. Так мы могли бы узнать друг друга поближе.

— Раньше надо было проявлять желание, бабушка! Лучше бы до того, как мой отец начал водить в дом бандитов, наркоманов и шлюх! — Издевательским тоном произношу слово «бабушка». Я и правда не хочу сближаться. Мне очень плохо от мысли, что у меня были родные люди, а я все это время жила в непростых условиях рядом с человеком, наполненным ненавистью не только к врагам, но и к собственной дочери. Просто потому что я, как он выразился, монстр.

— Послушай, Айлин. Мы виноваты. Я виновата, да. Но только потому, что думала, что ты — человек и посвящать тебя в мир Одаренных — не самая лучшая и безопасная для тебя идея.

Звучит все логично но...

— Торен тоже не придет по первому твоему зову. Недостатка в женщинах, как видишь, у него нет. Однажды я уже отдала свою дочь проходимцу. Но внучку не отдам! Пока он не докажет, что заслуживает тебя.

— А давай проверим? Отправь ему смс и скажи, что я очнулась. Один раз. Больше не нужно.

— И что же это докажет? Что он примчится по первому твоему зову?

— Нет, то что он выберет меня. При любых событиях. И

это самое важное, почему он достоин меня.

Глава 9. Торен

Я, конечно, удивлен тому, как бесцеремонно Эйс выпроводил меня из своего логова.

Но...

Радость от предстоящей встречи со стаей перекрывает все прочие чувства. Меня доставляют обратно в гостиницу. Я чую запах своих. Да! Бакторн, безумец Крейн, Блэки, и... даже Шай?! Не может быть!

Ноги сами несут меня по коридору отеля, пока, наконец, я не врываюсь в свой собственный номер.

В гостиной Оберон озадаченно смотрит на меня. А за ним на диване сидят мои братья. И Шай! Шай, чтоб его! Живее всех живых!

Ничего не меняется! Братья творят дела, а Оберон выступает дипломатом.

— Извини, Торен, опять без тебя пить начали, — оправдывается он и едва сдерживает улыбку.

— Вы... вы...

У меня нет слов. У моих братьев — тоже. Они резко вскакивают и со всех сторон обнимают меня, превращая нас в какую-то бесформенную кучу.

— Где Нэн и Кэмерон? — беспокоюсь, когда мы, наконец, отлипаем друг от друга.

— Здесь мы. Я детей отвезла к своей маме в Бирмингем. И теперь хочу размять кости вместе с вами, ребята, — хохочет резвая блондинка, выскочив из столовой. Нэн скромно выглядывает из-за ее плеча. До меня доходит, что мы все в стае выбираем себе блондинок в спутницы жизни. Джентльмены? Не иначе. Улыбаюсь, задыхаясь от счастья. До безумия счастлив видеть девчонок, целыми и невредимыми.

— Бию обещала чуть сдерживать их волчьи гены, чтобы мать Кэмерон не схватил приступ, — бормочет ведьма Нэн.

Мама Кэмерон не знает, что ее дочь оборотень. Отца так и вовсе никто никогда не видел, иначе бы тот точно по шее отхватил за нарушение закона Одаренных. МакАртуры вовремя взяли под опеку Кэм, которая в свою очередь встретила всех нас. Сумасшедшая и очень яркая девчонка превратилась в сексапильную женщину, которой одним волком в своей постели не обходится. Подавайте двоих. Всегда удивлялся семье Бакторна, Кэм и Шая. Но они прекрасно ладят, и я туда не лезу. У меня своих забот хватает.

— А МакАртуры за ними приглядывают, — завершает рассказ Бакторн.

— Как вам удалось воскресить этого рискованного парня? — прижимаюсь лбом к лбу Шая. Тот смеется и хлопает меня по плечу. Как я не почувствовал, что он жив? До сих пор в груди зияет дыра от боли.

— Я же оборотень. Заживает все, как на собаке, — хохочет Шай.

— Нэн помогла, — Блэки мягко притягивает Нэн к себе, и та не сопротивляется. Напротив, обнимает и нежно гладит оборотня по лицу.. Кажется, у этой парочки, наконец, все налаживается.

Оказывается, для раскрытия всех чувств и талантов нужно только бежать под страхом смерти и поддаться риску.

Впрочем, я тоже не лучше. Взять меня и Айлин!

Хотя... останься она тогда у меня, все было бы хорошо. Сбежала, дурочка, защищая меня. Как же люблю ее и скупаю! Невыносимо просто. Теперь, когда стоя рядом, вернее, верхушка лидеров стаи со мной — мои братья и их женщины, беспокойство за них ушло куда-то на второй план. Боль от разлуки с моей Барби горит ярким пламенем. Да так, что меня будто под дых пнули. Задыхаюсь. Хочу к ней. Невыносимо.

Но это не мешает мне испытывать невероятное счастье. Моя стая в сборе! А значит, мне теперь и море по колено.

— Нэн после моего воскрешения потеряла почти все силы, и до сих пор не восстановилась, — Шаю, кажется, такая жертва не очень по душе.

— Спасибо тебе! — благодарю Нэн, и она немного отходит от Блэки, чтобы поравняться со мной.

— Это меньшее, что я могла сделать после всего, — потупив виноватый взгляд, бормочет ведьма. Что ж, это правда. Анаис Аврамиди, она же Нэн, устроила нам целую кучу проблем. Нас едва не убили. Но я ее прощаю. Ведь она за-

щитила Айлин и способствовала нашей с ней встрече. И она воскресила Шая. Уж не знаю, какую сделку она заключила с высшими силами, но все же.

— Что с твоими способностями ведьмы?

— Их почти нет. Только гадать могу. Но это ничего. Я заслужила, — сквозь слезы отмахивается Нэн.

— А, кстати, я тут узнал, почему лисы так стремятся захватить власть в Глазго! — внезапно вспоминаю всю заварушку, возникшую перед нашим побегом. Да и Нэн предупредила, что лисы явно не рады волчьему лидерству.

— Потому что они — союзники Монтгомери? — чешет подбородок Крейн.

— В точку. А еще хотите новость года? Алистер Грэм — оборотень-лис с поглощенным геном. Он не может оборачиваться в зверя, но...

— Как это? — Оберон имеет склонность к наукам, и даже до недавних событий в Глазго, когда нам пришлось бежать в Эдинбург, он посещал университет, чтобы в дальнейшем стать врачом. Жаль, что парню пришлось прервать образование. Но просто выжить было куда важнее.

— Монтгомери научились глушить гены зверя у оборотней. И теперь мы не знаем, кто из людей прячет оружие за спиной. В Глазго сейчас возвращаться опасно.

— Почему МакАртуры его не зачистят? — интересуется Шай. Кажется, это и правда самый легкий способ восстановить силы.

— Я очень осторожно и дозированно преподношу информацию МакАртурам. Они сейчас следят за всем в Глазго. И пока что там тихо. Задница Монтгомери и Алистер Грэм залегли на дно. В противном случае, Дункан способен устроить кровавую баню, а там есть те, кому просто запудрили мозги. Верно, Нэн?

Ведьма дрожит, хоть ее и пытается согреть собой Блэки.

— Ну и последнее — я не доверяю МакАртурам. Есть причины. Пока что о них говорить не буду, — впереди меня ждет много событий. И в открытое противостояние с МакАртурами я вступать не хочу. Их методы мне претят. Хватит жертв среди людей и Одаренных. Нужно думать о том, как установить мир. У МакАртуров должна быть в союзах сдерживающая сила. Клан, который они же и уничтожили. Но это ничего. Всему свое время. Правда, у меня его совсем нет.

— Это все здорово и замечательно. Но каким боком здесь оказались вампиры? Как они нашли нас и помогли спастись? Это ведь их вампирский шаман подсказал Нэн, как Шаю воскреснуть, — продолжает делиться деталями Крейн.

Вот это поворот.

— Я не просил! — заметив мой тяжелый взгляд, поднимает руки вверх Шай в сдающемся жесте.

— Вампиры стали жертвами склок между кланами оборотней и до сих пор несут тяжелые потери. Просто сейчас они выбрали ту сторону, которая способна мыслить рационально.

нально даже в такое непростое время.

— И это не МакАртуры, а... ты? — вдруг доходит до Бакторна. Он усмехается. — Что ж, братишки. Пора расширяться. Какие планы? Как назовем свой клан?

— Тише ты! Пока рано об этом. Но завтра многое станет ясно, — вспоминаю о планах встретиться с Эйсом. Любитель назначать мне свидания в странных готических местах.

— Завтра я, Оберон и Нэн отправимся на важную встречу с вампирами, касающуюся меня лично. После нее мы не будем возвращаться в гостиницу, а отправимся сразу на остров Скай.

Недоумение на лицах моих братьев красноречивее любых слов.

— Зачем? — интересуется Оберон.

— Хочу с женой увидеться.

— Что?! — воскликнули все разом. И только Крейн захочется смехом.

— А эта девчонка все же накинула на тебя поводок. Молодец!

— Айлин Грэм? — восклицает Нэн. — Но...

— Рон! Закажи еды и выпивки. Нам предстоит интересная ночь сегодня, — довольный собой, я улыбаюсь. Если повезет, завтра увижусь со своей Барби. Даже если она волком бродит. Сам обращусь и буду рядом бродить, согревать ее в холодные ночи. Ждать, когда моя Айлин вернется ко мне. И плевать на все. Меня есть кому поддержать здесь. В голове

созрел план.

Глава 10. Айлин

Я стою у самого обрыва и смотрю на холодный залив Лох-Данвеган в последний день ноября. Я осталась в Данвегане. Мелкий дождь напитывает влагой мои волосы, утяжеляя их. Соленый ветер пронизывает сыростью до самых костей.

Закутываюсь плотнее в непромокаемый плащ, который я взяла из гардероба моей мамы, впрочем, как и всю остальную одежду.

— Айлин! — слышу голос Морвен возле себя. И вот хочется ей в такую погоду выходить куда-то? Но она, кажется, привыкшая. — Ты решила заболеть?

Сильный ветер заглушает и прерывает ее, но я хорошо ее слышу. Новая моя особенность, подаренная ликом зверя.

— Почему у всех оборотней рождается либо человек, либо зверь, а у Маклаудов еще и ведьмы?

Рыжие волосы Морвен, алым пламенем выбившиеся из-под капюшона желтого дождевика буквально натолкнули меня на такой вопрос. Ведь и правда — странно же?

— Существует легенда...

Не могу сдержать мимолетной улыбки.

На острове Скай легенды переплетаются с реальностью, мир духов имеет плоть, когда ты в облике зверя и... насколько сурова и холодна реальность, настолько же яркий и насы-

щенный мир Одаренных.

— Мы ушли далеко от Данвегана. Может, вернемся, а я тебе заодно все расскажу? — неправильно расценивает мои эмоции Морвен.

— Мне кажется, чем дальше мы от него, тем ближе к себе, — ворчу я, поправляя воротник на плаще.

— Когда-то я тоже так думала. Меньше всего ненавидела, когда родители на выходные уезжали в Данвеган и меня забирали с собой. В подростковом возрасте я научилась симулировать болезни, и мне казалось, что выходные, когда я одна дома, а не в Данвегане — лучшие моменты в жизни. Но сейчас...

— Это твоя семья, твой дом. Здесь все близко тебе! И бабушка остается бабушкой, а не навязанным тираном, который подвергает опасности твоего мужа и делает все, чтобы вы никогда не были вместе.

— Но это не так, Лин! — яростно сопротивляется Морвен.

Я бы продолжила с ней спорить, но вот это «Лин» родным облаком окутало, подарило тепло и кратковременную радость. Кажется, мама меня так звала.

И отец, когда был трезв, добр и отдыхал от своей криминальной жизни.

— Бабушка винит себя за твое детство. Она это не покажет, но сделает все, чтобы ты и дальше была в безопасности. И Торен... он должен, понимаешь? Должен сделать так,

чтобы у вас было будущее! Чтобы вы не прятались в бегах в глуши, а жили достойно, как и полагается потомкам великих кланов!

— Почему она решает, нужно ли это нам с Тореном? — продолжаю я возмущаться. Да, понимаю, насколько это важно, но и... не понимаю, вовсе. Мы могли бы уехать куда-нибудь и просто жить.

— Потому что за плечами Торена есть те, кто зависит от него. Я слышала разговор бабушки с его дядей...

— Дядей?

— Неважно, Айлин, это долгая история. Важно, что только благодаря Торену МакАртуры не устроили резню в Глазго. Понимаешь, сколько людей пострадает, если он откажется от дел? Ведь у него есть своя стая, и ты не можешь этого не знать.

— Да, первое, что он сделал — привел меня в свой дом и приказал стае принимать его решения, хотя на тот момент он думал, что я — человек.

— Вот видишь! И сейчас, — Морвен переводит дыхание. Ей приходится напрягаться, чтобы перекрыть ветер. — И сейчас, когда ты проходила инициацию, он знал, что ты в безопасности, в то время как в защите гораздо сильнее нуждались другие. И бабушка ни за что не пошла бы на то, чтобы сделать тебя еще несчастнее, если бы не все эти обстоятельства.

— Ты любишь ее? — завидую, определенно, Морвен, что

она окружена теми, кто ее любит и готова ради них на многое.

— В нас нет любви. Мы наполнены безусловностью и принятием. Мы — клан. Мы как единое целое. И когда плохо одному, это чувствуют все. Мама мне рассказывала, что бабушка едва пришла в себя, когда твоя мама умерла. И ты ей очень сильно напоминаешь Мюриэль. Она будто обрела ее снова, и, конечно же, сделает все, чтобы не допустить прошлых ошибок. Если Торен хочет забрать тебя себе, то пусть докажет, что ты будешь в безопасности. Чтобы Иннес не пришлось вновь хоронить Дочь моря! Ты знала, что на острове Скай действует закон относительно Дочерей моря?

Меня пробирает дрожь.

Не от холода, нет. Морвен оглушает меня своими эмоциями. Она не врет, не увиливает, не прячет свои чувства под маской властности и зрелости. Напротив, ее огонь горит ярко, и она заражает им окружающих. Ей хочется верить. За ней хочется идти.

— Когда ты ешь рыбу с имбирем, а потом решаешь попробовать имбирное печенье, тебе кажется, что оно на вкус, как рыба. Но причина не в печенье и не рыбе, а в самом имбире, понимаешь? — на простом языке объясняет мне Морвен. — Она не против тебя, не против ваших отношений с Тореном. Она боится, что случится что-то страшное. И в этот раз она точно не останется в стороне.

— Что за закон действует на острове? — конечно, я по-

нимаю, что движет Иннес, но и... ее равнодушие, отдаленность, пока я была в Глазго, убивают меня. Мысли о том, что я могла бы жить, как Морвен, режут меня на части.

— Теперь если Дочь моря — так мы называем клановых девочек, хочет построить семью не с жителем острова, а гостем, то он берет ее фамилию и обосновывается на острове Скай. Иначе нужно получить одобрение вождя и ее благословение.

— А если влюбленные не получают? — вот, что значит имела в виду Иннес. Она не может отпустить меня из-за закона Маклаудов острова Скай. — Им запретят возвращаться на остров, а родня отречется от Дочери, не беспокоясь об их благополучии. Иными словами, это полный выход из клана, отречение.

— Моего отца бабушка не одобрила? — доходит до меня, наконец.

— Я не знаю, Айлин. Это тебе лучше спросить у нее. Но мне кажется, я и так лишнего тебе наговорила, — Морвен мгновенно замолкает. Видя, как я дрожу, она стучит в ладоши. Холод как будто перестает меня одолевать, чувства притупляются.

— Что это? — удивляюсь я.

— Старый трюк ведьм Маклаудов, — горделиво поясняет Морвен. — Мы всегда завидовали теплым волчьим шкурам нашей родни, поэтому тоже научились кое-чему. Вообще, я считаю, что ведьмы нашего острова — самые сильные.

— Почему? — я все же отворачиваюсь от моря и иду обратно в сторону замка. Лучше вернуться. Скоро совсем стемнеет.

— Остров Скай — древнейшее место силы. Здесь топтали землю еще динозавры, а на севере Троттерниша есть пляжи с настоящим черным базальтовым песком, хотя здесь нет действующих вулканов. Вся магия Европы была сосредоточена на острове. Поэтому в средние века здесь велись полномасштабные сражения за одно лишь право называться Королем Гебридских островов.

— Что случилось потом? — я заслушиваюсь рассказами Морвен о земле, которая должна была стать моей родиной, но по запутанному стечению обстоятельств, ею не стала.

— Костры. Распри. Религиозные войны. И у нас, у ведьм, были постоянные битвы с кельтами, иначе — друидами, претендовавшими на поток силы острова Скай. Но мы стояли насмерть. Это наша земля. Правда, позже, случился технический прогресс, многие отрасли исчезли, а часть населения изгнали подальше за океан. Не хотела бы я оказаться в то время на острове, — качает головой Морвен. Она поскальзывается и едва не падает, но я поспеваю вовремя и подхватываю ее.

— Духи помнят, — издевательски шучу над ведьмой.

— Духи еще и помнят то, что ведьм феями называли.

— Может, это были добрые ведьмы? — мой смех перерастает в хохот. А Морвен одаривает меня суровым скепти-

ческим взглядом.

— Поверь, кровожаднее тех древних созданий никого не было. Но им нужна была защита от друидов. На остров нагрянули оборотни из северных морей и льдов. Безобидные для ведьм и вполне себе привлекательные мужчины.

— О, да! — мое лицо вспыхивает, потому что я вспоминаю своего шикарного Торена. Он настолько красив, что я не могу перестать смотреть на него, когда он рядом. Но красота его далеко не модельная и нестандартная, скорее мужественная, суровая. В его присутствии нестерпимо плавишься и горишь, мечтая, что он возьмет тебя на руки и унесет в свое логово.

— Вот и ведьмы не устояли, — Морвен тычет меня локтем в бок и понимающе хмыкает. — Для оборотней эти создания казались чарующими сказочными феями, которые могли и рыбу призвать для лучшего улова, и огонь сделать теплым, но не обжигающим. У ведьм была своя предводительница. Ее дочь с волосами цвета пламени полюбила вождя оборотней, белого арктического волка.

— Наши предки? — и правда. У Морвен яркие рыжие, почти красные волосы, а я превращаюсь в белую Волчицу.

— Да. Конечно, легенда обросла временем и лоском, но события произошли намного раньше — когда о государственности в Шотландии только слухи ходили. Ведьмы не хотели потерять свою власть, а оборотни точно не стремились к войне с прелестницами. Принцессе Фейри не разрешили

выйти замуж за предка Маклауда. Взамен они подарили Флаг Фейри в знак нерушимого союза. Этот флаг разрешили поднимать, если вопрос стоял в жизни и смерти, а оборотням угрожала опасность.

— Что-то грустно. Неужели не было никакой надежды на любовь?

— Вождь оборотней не стал бы Маклаудом, если бы не обладал цепким умом. Он поднимал этот флаг каждый день, пока был на острове, чтобы увидеть любимую, говоря о том, что это вопрос жизни и смерти. И без нее он умрет. Каждый раз это сопровождалось полным подъемом ведьм в боевую готовность. В конце концов, главная ведьма сдалась, и отдала замуж свою дочь, но перед этим провела нерушимый обряд истинности. Собрав всех ведьм они сделали так, что от этого союза и у их потомков обязательно рождались и волки, и ведьмы.

— То есть даже у нас с Тореном может родиться...

— Ведьма? Да. Вполне. Но первенец в любом случае будет волком — это требования хитреца Маклауда, чтобы остров всегда было кому защищать. Ведьмы все же хрупкие создания по сравнению с оборотнями.

— С тех пор появился обряд истинности?

— Наверное, нет. Появилось, как бы сказать, понимание этой природы. Ведь до прихода оборотней никто не сталкивался с чем-то подобным. Но именно лик зверя позволяет найти свою пару, кто бы это ни был. Кстати, на том месте,

где делали обряд ведьмы и оборотни, позже построили мост Данвеган, а остатки этого флага хранятся в музее при замке. Мост — как символ нерушимого союза. Он там уже и не нужен особо, но стоит, крепыш.

Пока Морвен рассказывала эту удивительную легенду, я и не заметила, как мы вернулись к Данвегану. Все вокруг до этого казалось серым, холодным и безжизненным, а сейчас замок, его жители, мои предки призывают меня разгадать все тайны. Взять на себя роль Маклаудов и нести мир. И подобно древнему вождю, не силой и кровью, а любовью и каким-то особенным терпением.

На небо постепенно опускается мрак, а в замке нас ждет теплый ужин в семейном кругу в средневековой столовой. В камине полыхает огонь, освещая и разгоняя темные тени прошлого.

Мне надо дать шанс. Себе и своему клану, из которого меня забрали по чужой прихоти.

Любовь к Торену привела меня сюда. Значит, я на правильном пути.

Здесь у меня может появиться настоящая семья, а будущее клана вот-вот предопределится.

Глава 11. Торен

— Ты не говорил, что тебя будут сопровождать, но я ожидал этого, — относится с пониманием Эйс, когда мы с Роном и Нэн подходим к солидному лимузину.

— А таких же вместилильных, но менее пафосных тачек не нашлось? — язвлю я. Но вот вижу этого высшего, и еле сдерживаюсь, чтобы не обнять хорошенько и по плечу не похлопать. Даже ситуацию с Рэйен прощаю ему. Он помог моей стае, помог спасти Шая и, кажется, не против помочь мне.

Но, естественно, за все нужно будет платить. Вряд ли Эйс-мунд способен на чистый альтруизм.

Впрочем, как и я.

— Переживаешь, что МакАртуры не одобряют связь с вампирами? — продолжает задавать Эйс, когда Рон и Нэн уже заняли места в машине, а я еще остаюсь снаружи, поравнявшись с вампиром.

— Мне на их одобрение... сам понимаешь, — говорю правду. Невыносимо думать, что они имеют какую-то власть надо мной. Конечно, если Дункану взбредет в голову, меня вместе с моей стаей сотрут в пыль. Довольно рискованно раскачивать лодку, когда у тебя нет никакого противодействия океану. Но подчиняться или следовать приказам больше нет сил и возможности.

Сегодня с утра телефон разрывался от сообщений МакАртуров. Сейчас я должен мчаться в их особняк и объясняться за вчерашний вечер, на котором я выступал вместо них в качестве муляжа МакАртуров.

Вместо этого я отправляюсь с Эйсмундом Бертраном в увлекательное путешествие по истории моей семьи.

— Понимаю, — Эйсмунд улыбается. — Чему я лично несказанно рад.

— Ты с Валентайном? — сын Эйсмунда очень сильно меня беспокоит.

— Думаю, ему ни к чему это. Он совсем неопытен и любит строить догадки и домыслы без всякого фактического подтверждения. Тебя он напрягает?

— А должен?

— У оборотней очень хорошее предчувствие. Вы распознаете дерьмо гораздо раньше других Одаренных. Как бы я не относился к Валентайну, не могу не признать, что он нечист на руку.

— Боишься остаться без головы? — удивительно, что этот вампир делится со мной такими подробностями. Похоже, его и правда прижали обстоятельства.

— Я еще молод и симпатичен, и семь жен имеется, — отшучивается Эйс.

И до меня, наконец, доходит. Ему нужны Дочери ночи. Ему нужны другие наследники, кроме Валентайна. План «Б», так сказать. Вампиры на дне. И если Валентайн придет

к власти, то их роду грозит вымирание.

Мы садимся в машину, наконец. Выезжаем из Эдинбурга, но не сильно далеко. Наша дорога занимает не больше часа. И это мероприятие — это что-то! Мы упорно молчим. Нэн что-то иногда комментирует, глядя в окно, но, каждый раз сталкиваясь с изучающим взглядом Эйсмунда, замолкает. А Оберон делает вид, что он бывалый парень и наша поездка наводит на него скуку. Но я на небольшом расстоянии чую его волнение и раздражение.

Водитель везет нас сквозь какой-то лес, мы немного поднимаемся в горы, пока, наконец, машина не останавливается.

— Дальше на лимузине не доехать. Придется идти пешком, — загадочно объявляет Эйс.

— Ну и кому этот выпендрей был нужен? — ругаюсь, выходя вслед за ним.

Замолкаю, потому что меня буквально окутывает холодом.

Проехать даже на моем внедорожнике было бы нельзя, если честно. Дорога, как после войны и бомбежек, вся в рытвинах и ямах. Где-то пласты асфальта буквально выдраны от земли, словно кожа от мяса.

— Тебе, — отвечает самодовольно Эйс. Не знаю, почему, но проникаюсь симпатией к этому кровопийце. Может, потому что он не похож на привычное мне окружение?

— Могу в машине посидеть? — трясется от холода Нэн.

— Дэвид, дай теплую одежду даме, — приказывает Эйс

водителю. Тот снимает с себя свое пальто и помогает надеть его Нэн. Затем достает из багажника машины теплый плед и дополнительно укутывает ведьму.

— Мы, вампиры, не чувствуем холода. Немного сковываются движения, но и все на этом. Оборотни тоже довольно стойкие к холоду, особенно мужчины. А вот ведьмы очень уязвимые и хрупкие, почти как люди, — Эйс облизывается, а Нэн широко распахивает глаза, не понимая, шутит так старейшина вампиров, или на полном серьезе хочет ее сожрать.

Даже Оберон находит чувство юмора Эйсмунда Бертрана весьма забавным. Он ржет и подшучивает над Нэн, а мы с Эйсом двигаемся вперед.

Вампир неизменно опирается на свою трость, важно шагая по разбитой дороге. Периодически поправляет свое вызывающее пальто. Я одет скромнее всех — в простой куртке и джинсах. Знал, что Эйс выкинет нечто подобное после вчерашнего визита на кладбище.

— Куда мы идем? — интересуюсь у Эйса.

— В твой дом. Вернее, он бы стал им, если бы его не разрушили до твоего рождения.

Бесит склонность Эйсмунда к театральным постановкам, но смиренно иду рядом с ним.

— Здесь война прошла, о которой я не знаю? — продолжаю задавать вопросы.

— Да. До сих пор восхищен МакАртурами и их способностью прятать личные конфликты. Особенно этот. Они умуд-

рились в центре Шотландии его проверить и не засветиться у журналистов, заодно успокоить людские организации, призванные защищать мир от нас.

— Ты хочешь сказать, что МакАртуры уничтожили мой дом и мою семью? — я едва не спотыкаюсь от такой новости. Знал, да, что они причастны.

— погоди, может, не уничтожили? — не очень приятно замечает Эйсмунд. Едва держусь, чтобы не схватить его за грудки и не вытрясти из него всю информацию сразу, а не порционно и частями.

Мы проходим через огромную лесную арку. Есть такой прием у ландшафтных дизайнеров, чтобы подъезд к замку или особняку проходил более помпезно и значимо. Но много лет за парком вокруг — а это именно он, а не хаотично растущий лес, никто не ухаживал. Деревья заросли, сквозь трещины и разрывы в дороге прорываются молодые растения и сейчас это выглядит скорее жутко.

Вместо огромного когда-то замка — судя по следам от него, меня встречают руины былого величия.

Груды камней, мусора. Конечно, старые средневековые элементы и несущие конструкции, из тех, что готовы были выстоять тысячелетиями, удержались, но рваные края выглядят еще более угнетающе, чем просто руины.

— Добро пожаловать в резиденцию древнего клана Мак-Гилл Шетайн, или, на современный лад — Шоу. А ваши западные родственники, эмигрирующие в Новый Свет, взяли

себе фамилию Сет.

Мне надо присесть. Определенно. Нахожу первый попавшийся для этого камень. Помню, как назвался фамилией Шоу в Портри, когда снимал домик для нас с Айлин. Но зато, когда я сказал, что моя фамилия МакФэлан, ведьма Морвен сразу сказала мне, что это ложь.

Ложь. Но не моя.

Уезжая с острова, Иннес Маклауд рассказала мне о том, что я потомок древнего клана, чья шотландская ветвь разрознена. Меня даже познакомили с дядей, приехавшим на Совет из Нью-Йорка. Никто не знал, что именно я, Торен МакФэлан — потомок этого клана.

Иннес поручила мне самостоятельно разузнать информацию, решить на чьей я стороне и, самое главное, понять, насколько далеко я способен зайти.

— Не понимаю, Торен, — Нэн, скрестив руки на груди, хмурится, глядя на груды камней. — Если это дело рук МакАртуров, то почему ты рос с ними бок о бок? Почему не убили тебя?

— Еще месяц назад ты бы от такого пришла в неописуемую ярость. И, наверное, уже варганила ведьминские проклятия для медведей, — горько усмехаюсь. Мне самому тяжело поверить в это.

— Разве я сказал, что именно МакАртуры это сделали? Они просто ловко это скрыли, но что именно произошло здесь — можно только догадываться, — Эйс оглядывается

по сторонам. — Мне не очень нравится здесь.

Я встаю. Резко холодает. У меня изо рта идет пар. Темная туча нависает над руинами замка. Сейчас пойдет снег, напоминая, что сегодня начинается календарная зима. Я медленно осматриваю обломки былой и достаточно дорогой жизни. Обращаю внимание на позеленевшую бронзовую ручку от входной двери. Резной узор и кольцо, проходящее через пасть волка — на дверях старинных замков часто такие ручки используются. Но в основном берут за основу льва или грифона, а вот волки... Не те животные, которых любят и почитают в Великобритании.

— Это могут быть и Монтгомери, — вполне резонно размышляет Оберон.

— Это случилось до моего рождения или после? — спрашиваю у живого изваяния.

— Немного раньше.

— Поэтому я жил на острове Скай, — до меня немного доходят те события. Какие-то обрывки детских воспоминаний, сильно разрозненных, все же всплывают в памяти. — Мои родители, я полагаю, мертвы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.